

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. ГРИБОЕДОВА

И. К. ЕНИКОЛОПОВ (Тбилиси)

Деятельность Грибоедова в годы второй русско-иранской войны, его «Записка об учреждении Российской Закавказской компании», «Записка о лучшем устройстве г. Тифлиса», «Положение об управлении Азербайджаном», «Записка о Гиляне» и многие другие документы хорошо известны.

Известна также роль Грибоедова в исторических судьбах армянского народа. Автором статей Туркманчайского договора, касающихся переселения армян, бесспорно является Грибоедов. Об этом можно судить с большой определенностью потому, что в доставленном из Петербурга проекте договора ничего не было сказано о переселении армян. Более того, из Главного штаба тогда же поступило предложение заселить присоединенные провинции «малороссийскими казаками»¹.

Среди мало исследованных, связанных с дипломатической деятельностью Грибоедова вопросов международных отношений на Востоке большой интерес представляет ирано-турецкая война 1821—1823 гг. Этой войне предшествовали многочисленные вооруженные столкновения на ирано-турецкой границе. Наследный принц Аббас-мирза неоднократно посылал в пограничный с Ираном Мушский пашалык, а также в Ирак, карательные отряды против турок и племен, расселенных вдоль Персидского пограничного хребта. Еще в 1819 г. Грибоедову, путешествовавшему с Фатх-Али-шахом, стало известно, что «1000 отправляются к Багдаду против турков». В «Путевых записках» от 28 июля 1819 г. начинающий дипломат метко указал на «видимую преданность государю» Аббас-мирзы, который не мог не знать о напряженных отношениях между Россией и Турцией и в связи с этим создавал видимость, что защищает интересы Александра, в то время как на деле наследный принц стремился захватить часть территории Османской империи.

Аббас-мирза считал, что после смерти престарелого шаха в Иране неизбежно вспыхнет борьба за престол. Больше других он опасался старшего сына шаха принца Мохаммед-Али-Мирзы, не расстававшегося с мыслью о захвате власти. После того как в 1819 г. Россия официально признала наследником иранского престола Аббас-мирзу², он мог рассчи-

¹ Об этом см. ИГВИА, ф. ВУА, д. 923, л. 1—16.

² АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 857.

тивать на поддержку петербургского двора в предстоявшей борьбе со свсими братьями.

Для России такая политика Аббас-мирзы, разделяемая его отцом Фатх-Али-шахом, имела большое значение. Сложная политическая обстановка в Европе сопровождалась Восточным кризисом, который охватил и Иран. Для привлечения Аббас-мирзы на сторону русских надо было отдалить его от влияния англичан, навязавших шаху в 1814 г. новый кабальный договор, который предоставил Англии возможность установить свой контроль за международными отношениями Ирана. Еще в 1817 г. генералу Ермолову, возглавившему посольство в Иран, была дана инструкция, которая предписывала «остановить перевес английского влияния в Персии, ослаблять онное неприметным образом и наконец вовсе истребить его»³. Секретарь русской миссии, начинающий дипломат А. С. Грибоедов хорошо усвоил этот курс русской дипломатии. Его нота английскому резиденту в Иране Г. Виллоку (черновик которой хранится в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР) написана резко и недвусмысленно.

В борьбе против английского влияния русская миссия считала необходимым добиться преобладания русской торговли на севере Ирана и таким путем подорвать там торговую экспансию Англии. Английские товары доставлялись в Иран через порты Персидского залива. Кроме того, в распоряжении англичан был и тракт Трапезунд—Тавриз, который функционировал большую часть года, несмотря на то, что, по свидетельству путешественника Корфа, караваны, следовавшие по этому пути, подвергались нападению и ограблению кочевниками⁴. Английские товары наводняли рынки Ирана. В то же время экспорт русских товаров через Кавказ и Астрахань был значительно сокращен. Поэтому русская миссия в Тавризе изучала потребности иранского рынка и привлекала российских и кавказских купцов для торговли с Ираном с помощью поощрительных льгот.

Кавказское начальство совершенно не занималось вопросами торговли с Ираном. В результате эта торговля шла самотеком и значительно тормозилась. На иранской границе на товары накладывались высокие таможенные пошлины. Наибольший застой в русско-иранской торговле наблюдался в годы первой войны между этими странами, которая продолжалась до 1813 г. и совершенно парализовала старинную сухопутную и морскую торговлю, существовавшую между отдельными районами Кавказа и Ирана.

Казалось, что Гюлистанский мирный договор, установивший правовые нормы в торговле сторон, увеличит масштабы торговли. Однако применение статей этого договора задерживалось и продолжал действовать так называемый запретительный тариф 1755 г. По этому тарифу в Баку и Астрахани на экспортируемые товары накладывалась 23-процентная пошлина. Гюлистанский мирный договор 1813 г. был обнародован только в

³ Там же, стр. 125.

⁴ См. Ф. Корф. Воспоминания о Персии, СПб., 1838, стр. 120.

1818 г., после чего Россия и Иран получили возможность приступить к широким торговым операциям.

Для быстро развивавшейся промышленности России Закавказье и Иран были нужны как источники сырья и рынки для сбыта товаров. Кроме того, торговля с Ираном открывала благоприятные перспективы для развития кустарной промышленности Кавказа и экспорта бакинской нефти. Однако Россия начала втягиваться в мировой торговый обмен между Европой и Азией лишь в начале XIX в., и только со второй половины 20-х годов XIX в. азиатские рынки все больше становились рынками сбыта изделий российской промышленности⁵.

Генерал Ермолов старался вытеснить из Ирана торговлю Англии и для этого предложил наладить транзит товаров из Европы в Иран через черноморские порты и г. Тифлис. С этой же целью устанавливаются тесные связи с французским негодциантом Гамба (впоследствии консулом в Тифлисе), который хорошо изучил Кавказ и причерноморье, и разрабатываются правила транзитной торговли. Переписка по этому вопросу с русской миссией в Тавризе, а также поездка Грибоедова в Тифлис и его личное участие в разработке условий транзитной торговли, подтверждают, что этому вопросу придавалось большое значение. Иран сочувственно относился к транзитной торговле. Известно, что для участия на совещании по этому вопросу в Тифлис выехал секретарь Аббас-мирзы — Мирза-Масуд⁶, которого Грибоедов представлял не иначе как «известного своего честностью и достоинством обращения». По сообщению Гамба, установившего тесные связи с Мирза-Масудом, французские товары находили сбыт не только в Южном Азербайджане, но и в провинции Гилян⁷.

Проект транзитной торговли Ермолов отвез в Петербург. Представленные материалы были рассмотрены Сперанским и Нессельроде, после чего 8 октября 1821 г. был опубликован указ о транзитной торговле сроком на 10 лет. Одиннадцать статей этого указа предусматривали обложение европейских товаров, в том числе и вывозимых из Ирана, пошлиной в 5 процентов с объявленной цены. Участникам транзитной торговли предоставлялись льготы — их магазины и дома освобождались от налогов, разрешалось приобретать недвижимую собственность и т. д. Разработка условий транзитной торговли в Тифлисе проводилась в большой спешке и в тайне от англичан. Адьютант генерала Паскевича И. Арцруни по этому поводу писал, что «это дело ведено было Ермоловым так быстро, что английским дипломатам не оставалось возможности препятствовать ему»⁸.

Несмотря на казенный формализм чиновников, на что указывалось в специальном разъяснении министра финансов от 12 апреля 1822 г., транзитная торговля быстро и успешно развивалась, из Европы стали посту-

⁵ См. М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949, стр. 58—74.

⁶ См. письмо А. С. Грибоедова Н. Каховскому от 19 октября 1820 г.

⁷ См. Предисловие к книге Гамба «Voyage dans la Russie Méridional, et particulièrement dans les provinces au-delà Caucase», t. I, Paris, 1826.

⁸ «Сборник сведений о Кавказе», т. II, стр. 243.

пять товары. По сообщению Гамба, в 1823 г. «Сараджев первый прибыл в Одессу и закупил заграничного товара на сто тысяч франков и доставил его в Редут-Кале (Кулеви)... на следующий год шесть купцов армян, соединившись в компанию, поехали в Лейпциг на ярмарку, где закупили товара на шестьсот тысяч франков и доставили также через Галицию и Россию до Одессы, а оттуда в Редут-Кале... в 1825 г. уже многими купцами было закуплено в Лейпциге товару до миллиона двести тысяч франков»⁹.

Одновременно налаживалась торговля и из Ирана в Европу¹⁰. Ермолов в одном из своих отношений на имя министра финансов отмечал: «Один из иностранцев... искупив в Персии некоторое количество шелка, прислал оный в Тифлис, чтоб при случае отправить во Францию»¹¹.

Грибоедов должен был приложить много усилий для того, чтобы привлечь русских купцов к транзитной торговле, дальнейшему развитию которой сильно мешало неблагоустройство Волжского пути, Военно-Грузинской дороги, а также отсутствие удобного порта в Астрахани¹². В частности, Грибоедов устанавливает связь с заводчиком А. Всеволожским, основателем Волжского пароходного дела и ряда промышленных предприятий¹³. Гамба отмечает, что начальнику Черноморского флота адмиралу Грейгу было предложено обеспечить безопасность пароходного движения из Одессы в Редут-Кале; порт Редут-Кале и дороги на Тифлис приводились в порядок; в Тифлисе началось строительство гостиниц и караван-сараев.

Побывавший летом 1822 г. в Грузии англичанин Роберт Лайол говорит о желании Ермолова сделать Тифлис «большим складочным пунктом между южными и восточными странами мира и Россией... Из этих соображений ряд магазинов уже построен, а базарные помещения исправлены...». Платон Зубов в «Шести письмах о Грузии и Кавказе» писал: «Будучи центром торговли Закавказского края с Россией, Тифлис привлекал для оной купечество различных стран Азии и Европы...»¹⁴.

Англия не могла оставаться безразличной к свертыванию своей торговли в Иране и к выходу на иранские рынки товаров России, Франции, Пруссии и других стран. И несмотря на то, что после Эрзерумского мира 1823 г., заключенного между Ираном и Турцией по настоянию Англии, последняя возобновила торговлю по дороге Трапезунд—Тавриз, лондонский двор искал пути для нанесения контрудара. В связи с этим известный русский востоковед А. Берже не без основания считал, что «одной из главных причин русско-персидской войны 1826—1828 гг. было именно введение такой транзитной торговли»¹⁵.

⁹ G a m b a, Voyage... т. 2, стр. 210 (перевод с французского).

¹⁰ См. ж. «Библиотека для чтения», т. 86, 1848, январь, отдел IV, стр. 2—3.

¹¹ АКАК, т. VI, стр. 219.

¹² Порт был построен в 1826 г.

¹³ См. «Литературное наследство», № 19—21, стр. 157.

¹⁴ П. З у б о в. Шесть писем о Грузии и Кавказе. М., 1834, стр. 35.

¹⁵ АКАК, т. VI, ч. 1, предисловие, стр. 4.

О роли Грибоедова в разработке условий транзитной торговли, а также о его непосредственном участии в налаживании этой торговли, рассказывают письма Грибоедова поверенному в делах Мазаровичу¹⁶ и инструктору иранской армии французцу Т. Этье¹⁷, который был связан с французским посольством в Константинополе и с французским консулом в Тифлисе Гамбой. Как бы в награду за успешную организацию транзитной торговли Грибоедову был «пожалован» один из высших иранских орденов, «Льва и солнца 2-й степени». Кроме того, по представлению Ермолова (от 3 января 1822 г.) Грибоедов был произведен в следующий чин и получил разрешение носить иранский орден¹⁸. Другой активный участник организации транзитной торговли, француз Гамба, в день подписания «указа» получил «в собственность до шестнадцати тысяч десятинов земли в Имеретии»¹⁹.

Таким образом, была успешно решена важная проблема организации торговли с Ираном. По этому поводу видный английский экономист Whigham писал, что в Иране англичане не могли соперничать в торговле с русскими, которых с персами связывает море и близкие пути²⁰.

Для обеспечения преобладания русской торговли в Иране необходимо было вытеснить из этой страны или ограничить торговлю Англии и Турции. По мнению Грибоедова, этого можно было добиться путем закрытия основной торговой магистрали Трапезунд—Тавриз, по которой доставлялись в Иран английские и турецкие товары.

В секретном отношении № 165 от 12 сентября 1821 г. Мазарович сообщал из Тавриза, что «турки получили прошлого года три миллиона червонных от товаров, которые они прислали из Цареграда сюда, между тем как с нашей стороны верные наши грузины, татары и армяне привезли из Тифлиса только на сумму 319 923 рубля»²¹.

Однако дорога Трапезунд—Тавриз могла быть закрыта только в случае назревавшей ирано-турецкой войны. После поражения Ирана в первой русско-иранской войне 1804—1813 гг. Аббас-мирза стремился компенсировать территориальные потери Ирана в Закавказье путем захватов в Западной Армении и Месопотамии, входивших тогда в Османскую империю. Грибоедов считал, что в интересах России следует поощрять Аббас-мирзу к войне против султана не только для завоевания Россией иранского рынка (после закрытия дороги Трапезунд—Тавриз). Грибоедов, как один из передовых людей своего времени, не мог не учитывать, что ирано-турецкая война должна отвлечь основные силы турок от Балкан, переброшенные туда для подавления всенародного восстания греков, которым горячо симпатизировала прогрессивная общественность России.

¹⁶ См. О. Попова, Грибоедов в Персии, М., 1929, стр. 73 (Грибоедов—Мазаровичу, 8 мая 1821 г.).

¹⁷ См. Н. К а л ь м а. «Литературное наследство», № 19—21, стр. 153.

¹⁸ См. «Русская старина», 1874, кн. 5, стр. 165.

¹⁹ АКАК, т. VI, ч. I, стр. 263, а также «Записки А. П. Ермолова», ч. 2, стр. 144.

²⁰ См. J. W h i g h a m, The Persian problem, London, 1903, p. 4.

²¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 1014, стр. 27 (к донесению прилагается подробный перечень товаров, поступавших из Константинополя).

Безусловно подогревая честолюбивые стремления Аббас-мирзы, Грибоедов не мог не учитывать, что ирано-турецкая война неизбежно ослабит военный потенциал Турции, а также сорвет намечавшийся тройственный союз (Турция, Иран, Англия). Одновременно эта война должна была привести и к подрыву влияния Англии в Иране и Турции. Вооружая иранскую армию, Англия рассчитывала, что английское оружие будет направлено против врагов Англии; на деле же получилось так, что в 1821 г. Иран вступил в войну с Турцией, которая всецело подчинялась Англии.

Позиция Грибоедова была одобрена Ермоловым, который писал Нессельроде, что ирано-турецкая война «весьма для нас выгодная, ибо в случае разрыва с турками, хотя не имеем мы нужды в пособии персиян, но вражда их между собою бесполезна»²².

Иначе реагировал на действия Грибоедова петербургский двор. Дело в том, что Аббас-мирза рассчитывал, что Россия непременно выступит в защиту греков. Ультиматум, переданный русским послом в Турции Строгановым султану, и последовавший после этого разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией в известной мере подтверждали правильность расчетов наследного принца, который даже написал Ермолову, будто «на войну против Турции его обязывает чувство негодования на жестокость турецкого правительства в отношении греческих христиан»²³. Без помощи России Каджарам трудно было рассчитывать на полный успех, тем более, что в случае победы предстояла борьба против могущественной Англии, которая поддерживала султана и была заинтересована в сохранении целостности Османской империи. Между тем в 1821 г. Александр I не собирался воевать против Османской Турции. Только в 1825 г. царизм, в целях укрепления русского влияния на Балканах, начал склоняться к мысли о необходимости поддержки греков²⁴. По этой причине, а также не желая обострять отношения с Англией, российский министр иностранных дел граф Нессельроде осудил действия Грибоедова и отклонил предложения Ирана о совместной войне против империи султана²⁵.

Между тем начавшаяся ирано-турецкая война закрыла торговую магистраль Трапезунд—Тавриз и обеспечила в Иране преобладание русской торговли. «Теперь,— отмечалось в секретном донесении русской миссии,— из Тавриза мы более, нежели когда-либо, имеем случай распространить наши коммерческие сношения с сим государством»²⁶.

По данным таможенной статистики, в 1821—1823 гг. среднегодовой торговый оборот между Россией и Ираном по сравнению с 1814—1815 гг. увеличился более чем вдвое и в 1823 г. достиг 4 миллионов рублей. За этот же период ввоз товаров из Ирана в Россию возрос до 1800 тыс. руб.²⁷

²² АКАК, т. VI, ч. 2, стр. 253.

²³ В. Потто. Кавказская война, т. III, СПб., 1886, стр. 9.

²⁴ См. «Всемирная история», т. VI, стр. 143.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 90, л. 11, а также «Русский архив» за 1888 г., кн. 2, Записки Муравьева, стр. 105.

²⁶ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, оп. 1, д. 1014, стр. 27.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 19, д. 105, 186, а также: Б л а р а м б е р г. Статистическое обозрение Персии, СПб., 1853, стр. 88.

* * *

В конце 20-х годов XIX в. иранский вопрос был тесно связан со всей международной обстановкой. Грибоедов в одном из своих последних писем с присущей ему тонкой наблюдательностью высказал свои соображения на тогдашнее международное положение. Это письмо показывает, как глубоко анализировал Грибоедов сложную политическую обстановку тогдашней Европы. «Что Вы думаете о наших европейских делах? — спрашивал он Паскевича. — Я не совсем разделяю Ваши мысли, чтобы англичане вздумали нам открыто враждовать. У них своих домашних запутанностей много. Глупый министр Wellington долг необъятный, Ирландия и Португалия в виду. Одно только меня смущает, читанное мною в *Comptoir*, который, как вам известно, журнал министерский, где именно сказано, что Россия отказалась от трактата трех держав и преследует собственно свои завоевательные виды. Коли зимою не будет мира, то я полагаю, что Австрия выставит на границе огромную военную силу и принудит нас сделать то же в отношении к ней. Но хотя это и введет нас в излишние издержки, но тем все и кончится»²⁸.

Для правильного понимания изложенных в этом письме замечаний Грибоедова очень важно установить дату письма. Редакция академического издания сочинений Грибоедова ошибочно указывает, что письмо это было составлено 3 декабря. В данном случае редакция исходила из того, что в письме Грибоедова Миклашевичу имеется выражение: «сейчас пишу к Паскевичу». Однако Грибоедов писал Паскевичу не раз, при этом приведенное в письме поздравление генерала «с полком Вашего имени» опровергает дату 3 декабря, так как известно, что Паскевич был назначен шефом Ширванского пехотного полка 13 сентября 1828 г. Об этом назначении Николай I тогда же уведомил генерала из Одессы, после чего это известие могло быстро дойти до Грибоедова. Кроме того, в письме говорится: «Коли зимою не будет мира». Это говорит о том, что письмо было отправлено до наступления зимы, скорее всего в начале октября, тем более, что в письме генерал Сипягин, который скончался в Тифлисе 16 октября, упоминается как «покойный». В то время премьер-министром Англии был герцог Веллингтон, русофобство которого было известно еще при жизни Джорджа Каннинга. В своем ответе Паскевичу Грибоедов лучше, чем кто-либо, уяснил причину соглашательской политики Веллингтона, приводя такие обстоятельства, как «долг необъятный, Ирландия и Португалия в виду». И действительно, эти «запутанности» настолько удерживали Англию, что о какой-либо наступательной войне Англии против сильной державы не могло быть и речи.

«Долг необъятный», — как результат дорогостоящих наполеоновских войн — особенно терзал Англию. Говоря об «Ирландии», Грибоедов имел в виду тогдашние выступления ирландских католиков, которые решительно требовали гражданского равноправия и в следующем 1829 г. добились «эмансипации католиков».

²⁸ «Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова», т. III, 1917, стр. 238—239.

Крупные события имели место и в Португалии. Борьба различных политических групп за власть происходила при явном вмешательстве Англии, предпринявшей в 1826 г. экспедицию в Португалию. С годами их отношения все более осложнялись, особенно после занятия престола регентом Мигуэлем, избранию которого противилась Англия.

Далее, Грибоедов опасается в письме, как бы Россия не нарушила Лондонского соглашения 1827 г. Известно, что благодаря этому соглашению России удалось заключить выгодный Адрианопольский мир и после этого вместе с Англией и Францией подписать протокол (от 3 февраля 1830 г.), которым определялись основы вновь образуемого греческого королевства.

С такой же проницательностью и дальновидностью представлял себе Грибоедов политику России в Иране, что с большой силой было продемонстрировано Грибоедовым в составленном им проекте инструкции, отправляемому в Иран российскому посланнику²⁹. В основе проекта инструкции лежали две концепции: противодействие влиянию «враждующей нам державы» и «упрочение мирных отношений с Ираном» — как главная задача русской дипломатии.

Благожелательная политика Грибоедова в отношении Ирана проявилась не раз. Особенно наглядно ее можно было наблюдать после вступления русских войск в Тавриз, когда для Временного Азербайджанского правления Грибоедов составил специальное «Положение» об управлении этой провинцией. Установленный в Южном Азербайджане правопорядок и строгое соблюдение законов дали возможность быстро завоевать доверие местного населения, обеспечить там спокойствие и возможности для расширения внутренней и внешней торговли. В итоге, по признанию английского историка Макдональда, большая часть населения Азербайджана «рассматривала приход русских с удовольствием»³⁰.

Грибоедовские мысли и дела не остались бесследными в русской дипломатии. Интересно отметить, что даже преемник Паскевича, барон Розен в одной из своих записей об Иране, как бы прислушиваясь к заветам Грибоедова, признал, что «России нужно видеть сие государство пространым, богатым, цветущим устройством и земледелием, променявшим кинжалы на заступ, а борзых скакунов на верблюдов для перехода пространства... на мирный размен»³¹.

Мы имеем основание утверждать, что А. С. Грибоедов в своей дипломатической деятельности прилагал не мало усилий для того, чтобы в отношении Ирана проводилась прогрессивная линия русской внешней политики, чтобы активно развивалась торговля и укреплялись мирные отношения.

²⁹ Грибоедовский проект этой инструкции см. АКАК, т. VII, № 591 (Родофиникин — Паскевичу, 8 мая 1828 г.).

³⁰ Macdonald Kinneir, *Memoires geographiques sur l'empire de Perse...* (перевод с английского Г. Друвиля), 1827, стр. 219.

³¹ Государственный исторический музей ОПИ. ф. барона Розена, № 90, стр. 157.

ՌՈՒՍ-ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԵՎ Ա. Ս. ԳՐԻԲՈՅԵՒՈՎԻ
ԳԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ի. Կ. ԵՆԻԿՈՂՈՊՈՎ (Թբիլիսի)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Գրիբոյեզովի գիտնաօնտանան գործունեությունը 1821—23 թթ. քիչ է ուսումնասիրված, մինչդեռ նա զգալի դեր է կատարել Կովկասի և Սևծովյան նավահանգիստների վրայով Իրանի հետ եվրոպական տարանցիկ առևտրի կառնակերպման գործում, երբ Ռուսաստանը ներգրավվում էր եվրոպայի ու Ասիայի միջև կատարվող միջազգային առևտրի մեջ: 1823 թ. Ռուսաստանի և Իրանի առևտրական շոջանառությունը, 1814—1815 թթ. համեմատությամբ, ավելի քան կրկնապատկվել էր, հասնելով 4 միլիոն ուրբու և 1/2 կոպեկի տարիներին թուլացել էր Անգլիայի ու Թուրքիայի էքսպանսիան Իրանի հյուսիսային նահանգներում: Գրիբոյեզովը ձգտում էր խափանել Թուրքիայի, Իրանի և Անգլիայի՝ նախապատրաստվող եռյակ միությունը, ինչպես նաև թուլացնել Անգլիայի ազդեցությունը Իրանում ու Թուրքիայում և դուրս հանել թուրքերի հիմնական ուժերը Բալկաններից, ուր նրանք փոխադրվել էին ձեռնարկ համար հույների համաժողովրդական ապստամբությունը, որն արժանացել էր այն ժամանակվա Ռուսաստանի առաջադիմական հասարակայնության ջերմ համակրանքին:

Միջազգային բարդ իրադրության պայմաններում Գրիբոյեզովը Իրանի նկատմամբ փորձում էր անցկացնել արտաքին քաղաքականության առաջադրման կուրս, որը ելններ երկու երկրների համար շահագետ առևտրի զարգացման և խաղաղ հարաբերություններ հաստատելու ձգտումից: